

ОЛЬГА ХМАРА

ОДЕССКАЯ ХАТЫНЬ

Ты, память, невзначай нас, грешных, не покинь!
...Забудьте, небеса, меня, коль я забуду,
Как корчилась в огне Одесская Хатынь,
Как славил толпа кровавого Иуду.

Вкус прожитого дня и горек, и остёр.
Безбожно давит скорбь опущенные плечи.
Прими, Господь, людей, взошедших на костёр
За право вольной быть вовеки русской речи.

От крови опьянев, безумная толпа
Осанну Сатане выводит голосисто.
...О, как взываю я, чтоб в руки мне попал
Один из тех зверей, бандеровцев, фашистов...

Я — не из палачей. Беснуясь и грозя,
Не стану головы сносить его повинной.
Я просто прикажу, чтоб глянул он в глаза
Всем, у кого отнял отца, невесту, сына...

И даже преломить ему позволю хлеб.
И прикажу смотреть в глаза беды кромешной
Ежесекундно, так, чтобы, прозрев, — ослеп
От ярости людской, неплачущей, нездешней.

И в завязи плода горчи, горчи, полынь,
Осеннею порой кричи об этом мае.
Слезам не потушить Одесскую Хатынь —
Костры всюю горят, который твой — кто знает...

г. Воркута

СЕМЁН БАШКИРОВ

* * *

От монгольского улуса и до моногородка
Пролегла по жизни русской беспросветная тоска.
Обустроилась владыкой и в нерадостную суть
Бытия в России дикой заставляет заглянуть.
Безобразья обозначит, все покажет без прикрас,
По себе переиначив, поедом съедая нас.
И вселенского поганства так покажет глубину,
Что слабеешь, лучше — пьянство, и — к бутылочному дну...

Темень, темень. Только знаю, как и прежде, без затей
Люди любят и рожают, и растят своих детей.
И все так же дети рады каждой крохе, неспроста.
И способны, если надо, мы за друга насмерть встать
Вопреки любому горю, и себе же вопреки
Все же пашут, все же строят по Расее мужики.
В бедном храме пред иконой со свечами стар да млад.
Все коленопреклоненно на молитве предстоят.
Это значит, что народу и стране не вышел срок.
И, обжегшись о невзгоды, я уверен — с нами Бог!

г. Ухта

ЛЮБОВЬ АНУФРИЕВА

* * *

Камни помнят
моё детство,
или моё детство
не может забыть
их таинственное молчание.
Мы касаемся друг друга
и ощущаем общую память —
светлый смех
семилетней девочки
соединяет нас.
Я смеюсь там —
где-то в прошлом,
где можно влюбляться
в тишину камней
и жить тайной детского чувства.

*Перевод с коми Андрея Попова,
г. Сыктывкар*

ЕЛЕНА АФАНАСЬЕВА

СЛОВО

Слово рождается молчаньем.
Мысли растут, как деревья.

Самыми глубокими бывают колодцы тишины.

Но даже в них слово может и не родиться.

Слово — молитва,
произнесённая над водой,
пригубив эту воду,
обретаешь покой.

Но сколько раз
слово, сказанное невпопад,
стоило жизни...

Слово — роса на придорожной траве.
Чьи-то слёзы?..
Радости...
Или горя.
Этим капелькам
нужно просочиться сквозь твоё сердце,
твоему сердцу нужно просочиться
сквозь эти капельки,
чтобы они вновь
обернулись словом.

Ну, а если росу уронит ветер?..

Слово — река,
где люди черпают воду.
Но задумываемся ли мы,
что и эта река может высохнуть,
если не будет надобности в ней?..

Сколько хватит сил, населяю деревьями
берега говорливой реки,
чтобы корни моих деревьев
соединились с корнями деревьев моих прадедов.

Ты нужна моим деревьям,
сквозь сердце текущая река.

А берега осыпаются и осыпаются...

*Перевод с коми Евгения Валериана,
г. Сыктывкар*

ИНГА КАРАБИНСКАЯ

ГДЕ-ТО ЗДЕСЬ

Господи, так срослись, что обоим кажется,
Будто и в мир шагнули — рука в руке.
Сколько ни жить, а общего ими нажито —
Две полосы следов на речном песке;
Нить золотых, летящих рельефных оттисков
По разметавшимся отмельным берегам...
Помнишь, он падал белым ажурным поясом,
Шёлковой долгой лентой к её ногам;
Помнишь, она была тонкой, клейкою
Веточкой, кем-то сорванной на бегу, —
Чтобы однажды стать тростниковой флейтой
Между его обветренных жарких губ...
Помнишь ли ты, как били в глаза и ранили
В небо простёртые алые паруса?
Он целовал её утром, босую, раннюю, —
Бликами на распущенных волосах.
Чтобы потом, свитая с запястьем, прочная,
У преисподних врат, в подземелье зла,
Только она одна — вопреки пророчествам —
Нитью его путеводной своей спасла...
Господи, видишь? Это они, безбожные,
В жизни не попросившие ничего,

Это они — два слога от невозможного,
Вещего слова творящего Твоего.
Это они Твой рай покидали голыми,
Это они — Твоя Всеблагая весть...
Знаешь, когда он в ладони кладёт ей голову,
Нет, я не верю — я знаю: Ты где-то здесь.

г. Ухта

СЕРГЕЙ ЖУРАВЛЁВ

РУССКИЙ ПУТЬ

Слово печали — зерно в тёплых ладонях веры.
Слово уныния — камень на жерновах времён.
Слово печали — росток, связующий землю и небо.
Слово унынья... Зачем
уныние брать с собой?

Камень, обросший мхом, нового не предвещает.
Древние письма прячут и правду, и ложь:
влево пойдёшь — беда, вправо — коня потеряешь,
если вернёшься назад — спокойствия не обретёшь.

Слово печали — рассвет над перекрёстком былинным.
Слово уныния — гнёт, в прах низводящий закон.
Слово печали — путь, найденный в книге старинной.
Слово унынья... Зачем
уныние брать с собой!

Конь удилами звенит — излишне норовист... Молод.
Сказочный, мудрый волк гложет под камнем кость.
Я говорю: “Вперёд!” — и напрягаю повод.
Я говорю: “Вперёд!” — а тихо шепчу: “Авось!”

Слово печали — свет над бездорожьем мгlistым.
Слово уныния — грех, хранимый низинной тьмой.
Слово печали — завет поиска вечных истин.
Слово унынья... Зачем
уныние брать с собой...

г. Сыктывкар

ЮРИЙ ИОНОВ

* * *

Мы свободными стали и — нищими.
Каждый — мира всего новосёл.
Прирастает Россия кладбищами
И руинами брошенных сёл.
Вроде бы возрожденье духовное —
Ставят храмы на каждом углу,
Но кресты над буграми неровными —
След наш непротивления злу.

г. Сыктывкар

ТАТЬЯНА КАНОВА

8 МАРТА

Восьмого утром баба топором
ломала лёд, намёрзший у колодца.
А в небе расплескалось море солнца,
И птичий гомон слышался кругом.
И в сельском клубе ставили цветы
на праздником окутанную сцену...
А женщина, себе не зная цену,
привычно натаскала в дом воды
и печку затопила, а потом
ещё полдня с обедом хлопотала —
восьмого марта гостя поджидала,
абы какого, баба-ледолом.

с. Кольёль

ДМИТРИЙ БЕЗГОДОВ

СТУДИЯ ЗВУКОЗАПИСИ

“Заповедная даль... Свет хрустальной зари...”
Чистым снегом лежат на вершине сознания,
Детство, песни твои, детство, думы твои.
Как искрится в них солнечный смысл мироздания.

Закрывалась бесшумно тяжёлая дверь,
Оставался динамик поющий снаружи,
А внутри дорогой электрический зверь
Синий пластик под песню кружил неуклюже.

И врезалась игла в полимерную плоть.
И вживался мотив в онемевшую душу,
Потому что непросто ведь перемолоть
Эти чувства в судьбу, и хотелось подслушать

Тему жизни, и тенор лирический пел:
“Заповедный мотив... Свет над миром встающий...”
Незаметно хозяин пластинок седел.
Незаметно душа обживалась в грядущем.

ГОРОД

Город тепло одетых людей,
Красивого неба, неторопливой жизни.
Здесь легко научаешься трижды на дню
Встречать одного и того же знакомого,
Улыбаться чуть виноватой улыбкой —
Мол, душа поздороваться просит, но здоровались. Здесь
Нетрудно совмещать прогулку с размышлением.
Не надо искать ни парка, ни сквера, ни времени.
Возвращайся с работы и думай.
О жизни, о книге,

О девочке, выгуливающей бультерьера,
О себе, косящемся на них, о прошлом,
О глупой привязанности к воспоминаниям,
О праведности, о Лоте, о его жене,
О смерти, о смехе, несущемся из окна общежития,
О Гераклите плачущем,
О хорошенькой фракиянке, смеющейся над Фалесом,
О том, что надо бы не проскочить, задумавшись,
Мимо хлебного магазина, что мир переполнен
Повествованиями не менее печальными,
Чем о Ромео и Джульетте,
Что любовь к призракам — это болезнь,
Что надо лечиться,
И, — прав Платон — чем скорее, тем лучше...

г. Ухта

ВАЛЕРИЙ ВЬЮХИН

ЗЕМЛЯНИКА

В глухом краю заросший луг,
В его траве, как первый иней,
Белеет пятнами вокруг
Недогоревший алюминий.

Лежат белесые листы,
Травую новой перевиты.
Кабины тёмные пусты
И так пугающе разбиты.

Их зверь подальше обойдёт,
И птица их посторонится.
Лишь грустный свет на самолёт
Уронит красная зарница.

И долго бродят по ночам
По лугу призрачные блики.
А днём земля здесь горяча,
Земля красна от земляники.

Но эти ягоды не рвут —
Их пальцы вытерпят едва ли.
Они созреют, упадут
И запекутся на дюрالي.

г. Сыктывкар